

Библейско-богословская коллекция
Серия «ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ»

Браиловский С.

**СИЛЬВЕСТР МЕДВЕДЕВ.
ЕГО ЖИЗНЬ
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.
ОПЫТ
ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
А. ПРОЗОРОВСКОГО**

Журнал Министерства народного просвещения,
1897, № 9, с. 374-387

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2010

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2010

могъ оторваться отъ своихъ ученыхъ занятій и при первой возможности задумалъ ученую поѣздку по Св. Землѣ. „Но что ты дѣлаешь, Порфирій?—обращается онъ въ дневникѣ къ себѣ самому:—вѣдь глаза твои тяжки. Ахъ, страшно ослабнуть, но пріятно узнавать, чего не знаешь“,—пишетъ онъ о побужденіи къ экскурсіи (III, 537). На основаніи многихъ фактовъ своей жизни архимандритъ Порфирій пришелъ къ убѣжденію, что она направляется нѣкоторою весьма могущею и таинственною силою, которая и призвала его къ высокому служенію на пользу православія въ Св. Землѣ (IV, 145). Проникнутый этимъ сознаніемъ, онъ всего себя посвятилъ этому служенію и беззавѣтно стремился къ водворенію православія и распространенію истиннаго знанія въ области востоковѣдѣнія. Разсмотрѣнные нами томы „Книги бытія моего“ отчасти и могутъ служить памятниками этой высокой, самоотверженной дѣятельности епископа Порфирія. Но полное представленіе о его личности и заслугахъ для русской науки въ отмѣченномъ направленіи можно составить лишь тогда, когда будетъ опубликованъ весь его дневникъ, чего, конечно, желаютъ всѣ, кому дорого истинное знаніе, къ какой бы области оно ни относилось.

И. С.

Сильвестръ Медвѣдевъ. (Его жизнь и дѣятельность). Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія *Александра Прозоровскаго*.

Среди дѣятелей второй половины XVII столѣтія С. Медвѣдевъ, по своей необычной судьбѣ, наиболѣе способенъ привлечь вниманіе изслѣдователя. Если же его дѣятельность и жизнь не становились до сихъ поръ предметомъ спеціальнаго научнаго изученія, то причина того кроется, по нашему мнѣнію, въ сравнительно ничтожной вообще разработкѣ литературы второй половины XVII вѣка и въ трудности самой задачи. Дѣйствительно, ни Симеонъ Полоцкій, ни Епифаній Славинецкій, ни другой какой писатель XVII столѣтія не представляетъ такихъ затрудненій для изслѣдователя, какъ С. Медвѣдевъ. Затрудненія эти заключаются, во-первыхъ, въ томъ, что около личности С. Медвѣдева, вслѣдствіе трагической его судьбы, накопилось столько *научныхъ суевѣрій*, если позволительно такъ выразиться, что необходимы большія усилія, чтобы расчистить почву для изслѣдованія. Отсюда—особыя условія работы для изслѣдователя,

необходимость особенной осторожности въ выводахъ и заключеніяхъ. Во-вторыхъ, многіе источники для жизни и дѣятельности С. Медвѣдева, опять-таки вслѣдствіе необычайной судьбы его, долго оставались недоступными для изслѣдователей, а нѣкоторыя его сочиненія и доселѣ не могутъ появиться цѣликомъ въ печати. Такова „Манна“.

Но пытливый умъ изслѣдователей не останавливался передъ указанными затрудненіями: время отъ времени дѣлались попытки сообщить о С. Медвѣдѣвѣ и его сочиненіяхъ болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія. Г. Козловскій въ 1895 г. попытался даже собрать разбросанныя свѣдѣнія о С. Медвѣдѣвѣ въ одинъ очеркъ о жизни и дѣятельности его (см. *И. Козловскій*. Сильвестръ Медвѣдевъ. Очеркъ изъ исторіи русскаго просвѣщенія и общественной жизни въ концѣ XVII вѣка. Кіевъ. 1895 года). Г. Прозоровскій изслѣдованіемъ, заглавіе котораго нами выше обозначено, закончилъ рядъ работъ о С. Медвѣдѣвѣ и далъ намъ *первую половину біографіи* этого „черепца великаго ума и остроты ученой“, а равно въ „Приложеніяхъ“ ко 2-й части напечаталъ интересныя сочиненія, вызванныя полемикою по вопросу о времени пресущественія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи.

Въ этомъ несомнѣнная заслуга г. Прозоровскаго. Его изслѣдованіе, основанное на первоисточникахъ, нельзя и сравнивать съ слабою компилятивною попыткою г. Козловскаго: такъ оно превосходитъ кандидатскую работу кіевского филолога.

Желая высказать свое сильное сужденіе объ изслѣдованіи г. Прозоровскаго, такъ какъ оно, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ вниманія, постараемся сперва познакомиться, насколько возможно кратко, съ содержаніемъ.

О планѣ своего изслѣдованія самъ авторъ въ концѣ 1-й главы говоритъ слѣдующее: „Наше изслѣдованіе о С. Медвѣдѣвѣ будетъ состоять изъ двухъ частей. Предметомъ первой части будетъ служить біографія С. Медвѣдева, предметомъ второй—его сочиненія“ (стр. 36).

Въ напечатанной пока первой части—шесть главъ. Первая посвящена литературѣ предмета. Перечисливъ все книги и статьи, гдѣ можно было найти свѣдѣнія о С. Медвѣдѣвѣ, авторъ дѣлаетъ краткую характеристику всей литературы предмета, называя ее не бѣдною количественно, но компилятивною и поверхностною по содержанію (34—35 стр.).

Со второй главы начинается біографія С. Медвѣдева. Въ этой главѣ излагается жизнь С. Медвѣдева до 1674 года, около котораго

онъ принялъ монашество. Здѣсь рѣшаются вопросы о родитѣ, происхожденіи, воспитаніи, ученіи, службѣ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ и въ заключеніе говорится о поѣздкѣ въ Курляндію (стр. 39—93). Периодъ жизни С. Медвѣдева, когда онъ принялъ монашество, составляетъ содержаніе третьей главы: здѣсь излагаются причины принятія монашества, жизнь его въ Молчепской, Словенской и Богородицкой пустыняхъ, переписка съ московскими друзьями и причины переѣзда въ Москву. то-есть, жизнь С. Медвѣдева до 1678 года. Остальные три главы—4, 5 и 6-ая, посвящены изложенію жизни Медвѣдева въ Москвѣ. При этомъ въ четвертой главѣ говорится о жизни въ Законопасскомъ монастырѣ, о службѣ на печатномъ дворѣ, объ отношеніяхъ къ царю Θεодору Алексѣевичу и о полемикѣ съ Яномъ Бѣлободскимъ. Вся пятая глава занята изложеніемъ полемики С. Медвѣдева съ Лихудами и ихъ сторонниками. Въ этой главѣ авторъ предлагаетъ новое рѣшеніе вопроса о томъ, когда и кѣмъ была начата полемика относительно времени пресуществованія св. даровъ въ таинствѣ свхаристіи. По мнѣнію г. Прозоровскаго, эта полемика началась послѣ пріѣзда въ 1685 году въ Москву Іоаннікія и Софронія Лихудовъ. Въ пятой и заключительной главѣ говорится о послѣдней судьбѣ Медвѣдева. Въ этой главѣ рѣшается вопросъ о степени виновности Медвѣдева въ взводимыхъ на него преступленіяхъ. Въ „Приложсіяхъ“ (изъ 2-й части изслѣдованія) напечатаны: 1) О фамиліи Медвѣдевъ, 2) С. Медвѣдева: „Врученіе привиллегіи на Академію“, 3) С. Медвѣдева „Епитафія“ С. Полоцкому, 4) С. Медвѣдева „Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ“, 5) С. Медвѣдева „Хлѣбъ животный“, 6) Евѣмія „Показаніе на подвергъ латинскаго мудрованія“, 7) Евѣмія „Опроверженіе латинскаго ученія о пресуществованіи“, 8) С. Медвѣдева „Праведный отвѣтъ“, 9) С. Медвѣдева „Манна“, 10) „Акосъ“ Лихудовъ, 11) Діакона Аоанасія „Целствобреханіе на св. церковь“.

Такимъ образомъ г. Прозоровскій не выполнилъ вполне своего плана: изъ второй части своего изслѣдованія онъ далъ только нѣсколько отрывковъ. Когда появится вторая часть въ полномъ своемъ видѣ, мы не знаемъ. Будемъ надѣяться, что г. Прозоровскій доведетъ до конца свой трудъ и осуществитъ данное на стр. 37 слѣдующее обѣщаніе: „Во второй части изслѣдованія, установивъ предварительно разницу между дѣйствительно принадлежащими Медвѣдеву сочиненіями и только извѣстными съ его именемъ, мы постараемся сдѣлать подробное обозрѣніе и разборъ ихъ какъ въ литературномъ отноше-

віи, такъ и, главнымъ образомъ, со стороны ихъ содержаія. Такъ какъ сочиненія С. Медвѣдева, по ихъ главному характеру, можно раздѣлить на труды: а) догматико-полемическіе, б) историческіе, в) поэтическіе, вѣрнѣе, стихотворные, и г) смѣшаннаго характера, то для удобства изслѣдованія мы будемъ разсматривать сочиненія С. Медвѣдева по намѣченнымъ сейчасъ рубрикамъ. Поэтому вторая часть нашего изслѣдованія будетъ состоять изъ четырехъ главъ съ присовокупленіемъ пятой, въ которой мы попытаемся разрѣшить вопросъ о самостоятельности С. Медвѣдева и о литературной зависимости его отъ С. Полоцкаго“.

Мы думаемъ, что напрасно г. Прозоровскій отложилъ такъ далеко рѣшеніе вопроса о томъ, *какія сочиненія принадлежатъ С. Медвѣдеву*. Намъ кажется, что въ I-й главѣ, тамъ, гдѣ онъ (стр. 35) говоритъ о рукописяхъ и документахъ, которыми пользовался при написаніи своего изслѣдованія, онъ долженъ былъ дать *перечень сочиненій С. Медвѣдева*. Въ самомъ дѣлѣ, такое требованіе необходимо потому, что въ біографіи Медвѣдева нельзя не сослаться (какъ и въ біографіи всякаго другаго писателя) на то или другое сочиненіе его. А разъ такъ, то какую научную цѣну будутъ имѣть ссылки и выводы автора, если они основываются на сочиненіи, принадлежность котораго Медвѣдеву можетъ быть оспариваема? Такъ, г. Прозоровскій во второй главѣ своего изслѣдованія подробно останавливается на мнѣніи г. Н. Кантерева, что С. Медвѣдевъ былъ „пеукъ“ и не могъ проходить въ несуществовавшей будто бы Спасской школѣ Полоцкаго курса средней школы. Полемизируя съ г. Кантеревымъ, г. Прозоровскій на стр. 85 говоритъ: „Наконецъ, въ знаніи С. Медвѣдевымъ „грамматики“ достаточно могутъ убѣдить насъ оставшіеся послѣ Медвѣдева отрывки изъ составленныхъ имъ „грамматическихъ правилъ“. Въ данномъ случаѣ мы разумѣемъ именно листы С. Медвѣдева (примѣч.: что эти листы принадлежатъ именно С. Медвѣдеву, въ этомъ съ несомнѣнностью убѣждаетъ насъ почеркъ письма), благодаря какой-то случайности, уцѣлѣвшіе среди черновыхъ бумагъ Каріона Истомина и содержащіе въ себѣ толкованія: 1) на первое правило о прилагательномъ со существительнымъ, 2) на пять притяжескій тогожде перваго правила и 3) на изыатіе тогожде правила“. Далѣе на страницѣ 83 онъ говоритъ въ доказательство учености С. Медвѣдева: „оставилъ описаніе перваго стрѣлецкаго бунта 1682 г.“.

Отрывки изъ грамматики, уцѣлѣвшіе въ Чудовской рукописи

№ 99—301, л. 118 и д., принадлежатъ Каріону Истомину, а не С. Медвѣдеву. Основаніе г. Прозоровскаго — сходство почерковъ, — основаніе: вѣдь самъ же г. Прозоровскій при разборѣ мнѣнія проф. А. И. Соболевскаго объ авторѣ „Оглавленія книгъ“ могъ убѣдиться въ шаткости такого основанія, какъ сходство почерковъ. Слова его: „благодаря какой-то случайности, уцѣлвшіе среди черновыхъ бумагъ Каріона Истомина“, ничего не доказываютъ. Вѣдь и случайность можетъ быть тамъ, гдѣ есть къ тому какой либо поводъ или причина. Названная выше рукопись Чудова монастыря, какъ и другія двѣ №№ 98—300 и 100—302, содержитъ въ себѣ писанныя разными почерками сочиненія Каріона Истомина. Если же среди этихъ сочиненій попадаются записи другаго лица, то эти записи принадлежатъ его племяннику Ивану Истомину. Каріонъ Истоминоу извѣстенъ, какъ составитель „Малой грамматики“¹⁾, „Букваря“, слѣдовательно нисколько не удивительно, что среди его черновыхъ бумагъ нашлись „листы грамматичные“. Сколько извѣстно, С. Медвѣдеву ни одной учебной книги не написалъ. Съ какой же стати г. Прозоровскій приписалъ ему чужое сочиненіе?

Далѣе, если ужъ г. Прозоровскому хотѣлось, чтобы „грамматичныя правила“ принадлежали С. Медвѣдеву, то ему слѣдовало бы подробно выяснитъ въ біографіи С. Медвѣдева отношенія между послѣднимъ и Каріономъ Истоминоымъ. Что эти отношенія существовали, ясно изъ „Розыскныхъ дѣлъ о О. Шакловитомъ“, которыя не разъ цитируетъ самъ г. Прозоровскій. Эти отношенія дали бы, можетъ быть, хоть какое нибудь объясненіе, почему листы изъ грамматическаго сочиненія С. Медвѣдева попали въ бумаги Кар. Истомина. Вообще, по нашему мнѣнію, эти страницы въ біографіи Медвѣдева блѣдны и плохо обработаны.

Что касается описанія перваго стрѣлцакаго бунта, то-есть, извѣстнаго „Созерзанія краткаго лѣтъ 7190, 91 и 92, въ нихъ же что содѣяся во гражданствѣ“, то г. Прозоровскій, издавъ это сочиненіе въ 1894 г., въ „Предисловіи“ старался доказать, какъ несомнѣнную истину, принадлежность его С. Медвѣдеву. Вотъ его основныя поло-

¹⁾ Эта „Грамматика“, служащая какъ бы продолженіемъ его „Букваря“, писана для царевича Алексѣя Петровича и хранится въ Эрмитажѣ. Она мною скопирована и будетъ напечатана въ приложенияхъ къ моему изслѣдованію „Одинъ изъ пестрыхъ XVII-го столѣтія“, удостоенному малой Уваровской преміи въ 1895 году.

женія: 1) подъ „письмомъ Каріона“, упоминаемымъ въ признаніи С. Медвѣдева, разумѣется „Chronicon“ латинскаго писателя Каріона; этою хроникою Сильвестръ пользовался при составленіи „введенія“ къ „Созерцанію“, заимствуя иногда даже съ буквальною передачей текста „писма Каріонова“, какъ содержаніе, такъ и самый способъ изложенія; 2) самую „лѣтописную книгу, начатую съ 90-го году, съ правленія великія государыни, и что было съ того году“, т. е. „Созерцаніе“ С. Медвѣдевъ писалъ одинъ и вполнѣ самостоятельно, не пользуясь трудами какихъ либо Каріоновъ, русскихъ или латинскихъ. Какъ ни кажутся г. Прозоровскому *основательными* его соображенія, но съ ними *рѣшительно нельзя согласиться* при внимательномъ разсмотрѣніи ихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ г. Прозоровскій доказываетъ, что подъ словами „съ писма Каріонова“ разумѣется сочиненіе латинскаго хрониста? Тѣмъ, что между *предисловіемъ* къ „Созерцанію“ и „Oratio de argumento historiarum et fructu petendo ex earum lectione“, а равно и „Praefatio“ къ хроникѣ Каріона много общаго какъ въ самомъ содержаніи, такъ и въ характерѣ изложенія и въ приведеніи такихъ именно, а не иныхъ доказательствъ и фактовъ (XXX стр.). Еслибы даже все предисловіе къ „Созерцанію“ было буквально сходно съ „Oratio“ и „Praefatio“ Каріона, то и тогда нельзя было бы допустить, что С. Медвѣдевъ съ пытки *могъ дать такое странное объясненіе*: лѣтописная книга, начатая съ 90-го года, писана съ писма Каріонова, тогда какъ самос „Созерцаніе“ написано имъ самостоятельно! Г. Прозоровскій, чувствуя натянутость своего доказательства, оговаривается: „эта зависимость (Созерцанія отъ хроники Каріона) такъ сравнительно ничтожна и незначительна, что о пей не слѣдовало бы собственно говорить. Если же... С. Медвѣдевъ... выставилъ на видъ зависимость своей „лѣтописной книги“ отъ „писма Каріонова“, то это, по всей вѣроятности, Медвѣдевъ сдѣлалъ съ единственною цѣлью указать членамъ розыскной комиссіи на всю благонамѣренность и, такъ сказать, на полное безпристрастіе своего „Созерцанія краткаго“ (стр. XXVIII)“. Насколько основательно это соображеніе г. Прозоровскаго, видно вотъ изъ чего. По его мнѣнію, подъ Каріономъ „Розыскныхъ дѣлъ“ нельзя разумѣть Каріона Истомина потому, что послѣдній нигдѣ не называется просто „Каріонъ“, а всегда или „справщикъ Каріонъ“, или „старецъ“ Каріонъ, или „печатнаго книжнаго дѣла справщикъ іеродіакопъ Каріонъ“. Мнѣ кажется естественнѣе и проще допустить, что С. Медвѣдевъ могъ, послѣ того

какъ рѣчь шла о Каріонѣ Истомиѣ, привлеченномъ къ дѣлу о Ѳ. Шапловитомъ, выразиться о сочиненіи Истомина: „а писана та книга съ писма Каріонова“ (безъ обозначенія фамиліи), чѣмъ допустить, что Медвѣдевъ, впервые называя сочиненіе латинскаго хрониста Каріона, не прибавилъ „съ писма хроники Каріона“ или „хронографа Каріона“, какъ это и дѣлаеть св. Дмитрій Ростовскій въ своей „Лѣтописи“. Ужели г. Прозоровскій допускаеть, что С. Медвѣдевъ предполагалъ въ членахъ розыскной комисіи большее знакомство съ латинскимъ хронистомъ Каріономъ, чѣмъ съ современнымъ имъ чудовскимъ монахомъ Каріономъ Истоминымъ?

Но я не стану напрасно тратить время на теоретическое оспариваніе положеній и доказательствъ г. Прозоровскаго. Я перейду къ тому, что между введеніемъ къ „Созерцацію“ и „Praefatio“ нѣтъ никакого сходства, о которомъ говоритъ г. Прозоровскій. Онъ не привелъ въ своемъ предисловіи параллельныхъ цитатъ тѣхъ мѣстъ, которыя, по его мнѣнію, сходны. Не знаю, изданіемъ какого года хроники Каріона пользовался г. Прозоровскій при сличенія введенія къ „Созерцацію краткому“ и сочиненія латинскаго автора. Въ Императорской Публичной библіотекѣ я могъ разыскать хронику Каріона, изданную въ Бернѣ въ MDCI году.

На выходномъ листѣ ея значится: „Postrema editio, prioribus omnibus longe castigatior: cui accesserunt capitum indices“.

Въ этомъ изданіи на стр. 1—5 помѣщено „Melanchthonis praefatio de utilitate historiae“. Никакого „praefatio“ Каріона, о которомъ говоритъ г. Прозоровскій, здѣсь нѣтъ. Если „praefatio“ принадлежало Меланхтону и въ томъ изданіи, которымъ пользовался, по мнѣнію г. Прозоровскаго, С. Медвѣдевъ, то послѣдній не приписалъ бы его Каріону и не сказалъ бы на допросѣ, что „Созерцаніе краткое“ писано „съ писма Каріонова“, а сказалъ бы — „съ писма Меланхтонова“.

Впрочемъ, оставимъ въ сторонѣ „praefatio“. Г. Прозоровскій указываетъ сходство нѣкоторыхъ мѣстъ первой книги хроники Каріона съ введеніемъ къ „Созерцацію краткому“. Надѣюсь, что первая книга хроники Каріона во всѣхъ изданіяхъ одинакова. Прочитавъ ее, я рѣшительно не вижу основанія, въ силу котораго г. Прозоровскій на стр. XXIX говоритъ слѣдующее: „мы смѣло можемъ утверждать, что введеніе къ своей „лѣтописной книгѣ“ и особенно исторію Ветхаго Завѣта до раздѣленія царства еврейскаго С. Медвѣдевъ изла-

галь по хроникѣ Каріона (*liber primus*, pgg. 14—59)¹⁾. Чтобы не быть голословнымъ, привожу отрывки параллельно, для сужденія о зависимости введенія къ „Созерцанію краткому“ отъ „Chronicon'a“ Каріона.

„*Chronicon*“.

„Singulari consilio Deus in ecclesia extare et semper conservari voluit initia mundi, et seriem annorum: quae quidem et testimonium est de ecclesia, et magnum decus. Vult enim sciri Deus originem generis humani, et divinas patefactiones, et testimonia patefactionum, et quae doctrina, et quomodo Propagata sit. Vult sciri certo, ideo conditum esse genus humanum, ut inde aeterna ecclesia colligatur. Vult et causas sciri calamitatum humanarum, et mortis, et agnoscere Filium, per quem liberabimur ab his malis, et restituentur justitia et vita aeterna. De his tantis rebus ut certe essemus, anni metae in motu solis constitutae sunt, et primis patribus ostensae sunt, et in doctrina primorum patrum divinitus tradita, annorum series diligenter perscripta est...

Diluvium (стр. 18).

„Anno a condito mundo millesimo sexcentesimo quinquagesimo sexto, cum Noha inchoasset annum sexcentissimum, mense secundo ejus anni, die septimo decimo, ingressus est Noha cum conjuge et filiis in arcam, et in ea mansit integrum annum solarem... Interea dum in arca vehitur familia Nohae, totum genus humanum universali diluvio periit. Haec poena primum significat, conditam esse hanc

Созерцаніе (введеніе).

„Всякія убо бытности вещей или дѣйствъ прежде бывшихъ, како что содѣяся, ни откуда ишуды тако словесное челоуѣческое естество видѣти возмогасть, яко отъ священныхъ историческихъ писаній... Изъ начала же бытія видимыи всяи твари писаніе на земли по обрѣтающеся, зане ни на какую же пользу дѣтъ баше тое. Сотворенный убо челоуѣкъ первый Адамъ по образу Божию и по подобію не требова оного, яко имѣя смыслъ чистый и Духа святаго сіянемъ просвѣщающеся и въдыше хотѣнія Божія, что ему творити достоитъ. Такожде и ишии священнии мужи, яко Ноа, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ и подобство въ добродѣтелехъ имъ стяжавшии, вси безъ писаній Творцу своему благоугодиша...

„И видѣ Господь Богъ землю, яже бѣ осквернена, яко оскверни всяка плоть путь свой на земли и рече Господь Богъ Ною: время всякого челоуѣка прииде предъ Мя, яко наполни земля неправды отъ нихъ; и се Азъ разсыплю землю, тыже сотвори себѣ ковчегъ“. И все еяко бѣ на сушѣ, умре. Егда же праведный оубо Ной по погоше пзыде отъ ковчега, зарътъ Господь Богъ положить Ною, еже къ тому не потопляти водою, писанію вѣщающе сице: „И рече Господь Богъ Ною: се знаменіе за-

¹⁾ Въ изданіи, которымъ пользовался я, первая книга хроникъ Каріона занимает стр. 12—30 въ $\frac{1}{16}$ долю листа. Страницы г. Прозоровскаго ясно указываютъ, что у него было подъ руками другое изданіе. Тѣмъ болѣе сожалѣю, что онъ не привелъ параллельныхъ питать для очевидности сходства.

rerum naturam, ut serviat eternis et justis. Ideo sequuturum esse universalem interitum impiorum, et justos mansuros esse in possessione aeterna operum mundi. Deinde hoc exemplo testatur Deus, se deinceps quoque peccata puniaturum esse, quanquam sic mitigat iram, ut promittat, condita Iride, se deinceps non puniaturum esse genus humanum universali diluvio. Sed simul significat, in extrema poena igni conflaturum esse mundum et se ex ea massa novam mundi formam facturum esse. Ideo colores sunt in Iride duo. Caeruleus significat genus humanum aquis periisse. Igneus seu purpureus, postea periturum esse igni, ut in secunda epistola Petri scriptum est.

Полагаемъ, никто на основаніи приведенной параллели не сталъ бы доказывать сходство и зависимость введенія къ „Созерцанію братскому“ отъ латинской хроники Каріона. Хотя въ обоихъ сочиненіяхъ говорится объ однихъ и тѣхъ же ветхозавѣтныхъ событіяхъ, но существуетъ громадная разица въ изложеніи: латинскаго писателя всюду интересуесть судьба церкви, тогда какъ русскій повѣствователь подробно по книгѣ Бытія рассказываетъ первоначальную судьбу человѣчества ¹⁾. Еслибы авторъ „Созерцанія“ пользовался хроникою латинскаго Каріона, онъ не преминулъ бы воспользоваться столь интереснымъ объясненіемъ двухъ цвѣтовъ радуги.

Во всякомъ случаѣ, пока г. Прозоровскій не докажетъ намъ параллелями зависимость введенія къ „Созерцанію“ отъ Хроники латинскаго писателя Каріона, до тѣхъ поръ мы будемъ считать его мнѣніе о Каріонѣ, упоминаемомъ въ „Розыскныхъ дѣлахъ о Ѳ. Шакловитомъ“, несостоятельнымъ.

Накопецъ, его мнѣніе, или вѣрнѣе—согласіе съ Ундольскимъ по вопросу объ авторѣ „Оглавленія книгъ, кто ихъ сложилъ“ не принимается нами, потому что въ статейкѣ: „Кто же былъ первый русскій библиографъ?“ (*Русскій Филологическій Вѣстникъ*, 1896 г., №№ 3 и 4), мы таковымъ считаемъ чудовскаго инока Евѣмнія.

¹⁾ Кстати. Въ одной изъ Чудовскихъ рукописей сохранилось нѣсколько листовъ, на которыхъ изложены тѣ же самыя ветхозавѣтныя событія, что и на первыхъ страницахъ „Созерцанія братскаго“. Не служитъ ли это обстоятельство указаніемъ на автора „Созерцанія“?

вѣта, еже Азъ даю между Мною и вами, и между всякою душею живою, яже суть съ вами въ роды вѣчныя, дугу мою на облацехъ поставлю. И будетъ егда пооблачу облаки землю, и лянтся дуга моя на облацехъ. И помяну завѣтъ мой, еже есть между Мною и вами и между всякою живою душею и всякою плотію и не будетъ по семъ вода въ потоупъ, яко потребити всяку плотъ“.

Нѣсколько длиннымъ отступленіемъ мы старались доказать, что г. Прозоровскому надо было бы не откладывать въ долгій ящикъ вопроса о сочиненіяхъ С. Медвѣдева, а рѣшить его въ началѣ изслѣдованія или же въ „Приложеніяхъ“, гдѣ онъ и дѣлаетъ это отчасти.

Переходимъ къ другому, по нашему мнѣнію, капитальному вопросу при изображеніи жизни С. Медвѣдева. Выше мы указали на особенную трудность задачи изучать жизнь и дѣятельность человѣка, надъ которымъ тяготѣло обвиненіе въ тяжкихъ преступленіяхъ, за которыя онъ „казненъ смертною казнію“. Изслѣдователю приходилось рѣшать дилемму: довѣрять ли во всемъ рукописному источнику или подвергнуть его самой тщательной критикѣ и безопаданному сомнѣнію. Большинство изслѣдователей до сихъ поръ не сомнѣвалось, напримѣръ, въ правдивости „Покаяннаго исповѣданія Медвѣдева“, повѣсти „о растригѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ и о злословіи его, отъ демона поущаемомъ, на св. церковь“ и другихъ сочиненій. Г. Прозоровскій, не желая быть „жалкимъ рабомъ чужихъ мнѣній“, рѣшился все подвергнуть сомнѣнію и критикѣ, чтобы изобразить „кровавую тѣнь старца Медвѣдева“ въ иномъ, болѣе правдивомъ видѣ.

Поставленная задача требовала отъ г. Прозоровскаго, чтобы онъ установилъ самое правильное отношеніе къ рукописному матеріалу, разобралъ его, такъ сказать, по питочкамъ и указалъ, что въ данной рукописи истина и что ложь. И тѣмъ болѣе слѣдовало г. Прозоровскому потратить время на такую кропотливую и трудную работу, что въ нашей исторической литературѣ, какъ показалъ это г. Шмурло (см. его ст. въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія*. 1896 г.), не установился еще правильный взглядъ на событія, повлекшія сверженіе царевны Софіи Алексѣевны. Такъ мы понимаемъ задачу г. Прозоровскаго, разъ онъ не желалъ быть „рабомъ чужихъ мнѣній“.

Къ сожалѣнію, мы ничего подобнаго не нашли въ изслѣдованіи г. Прозоровскаго. Не желая, подобно своимъ предшественникамъ, ограничиваться крайне пристрастными и зачастую даже цѣлѣвыми отзывами и показаніями однихъ только противниковъ Медвѣдева, онъ, кажется, впалъ въ противоположную крайность. Предоставляемъ судить читателямъ по слѣдующимъ фактамъ. Ссылаясь на известное сочиненіе о Яхонтова „Геродіаконъ Дамаскинъ, русскій полемистъ семнадцатаго вѣка“, г. Прозоровскій беретъ только рѣчи единомышленника Медвѣдева Домецкаго, хотя тѣ рѣчи опровер-

гаются Дамаскинымъ. Мнѣ кажется, г. Прозоровскому слѣдовало такъ поступать только въ томъ случаѣ, когда бы онъ доказалъ, что Домецкій заслуживаетъ вѣры, а Дамаскинъ нѣтъ.

Точно также поступаетъ онъ и въ другихъ случаяхъ. Такъ, въ Перепискѣ Сборникѣ Синодальной библіотеки, № V на лл. 366—373, помѣщена статья „О растрѣгѣ Сильвестрѣ Медвѣдевѣ, и о злословіи его, отъ демона поущасомъ на святую церковь и на святѣйшья патриархы, и о возмущеніи народа на мятежь и на убійство святѣйшаго Іоакима патриарха, и иныхъ, и о побѣгѣ сенки бывшаго силвестра Медвѣдева въ Польшу и о совопрошеніи его чародѣевъ, и о смертной казни“. Г. Прозоровскій на многихъ страницахъ цитируетъ это сочиненіе, то отрицая его достовѣрность тамъ, гдѣ оно говоритъ не въ пользу Медвѣдева, то признавая его тамъ, гдѣ оно говоритъ за послѣдняго. Опять-таки, по-моему, надо было установить, что въ названномъ сочиненіи истинно, что ложно. Вѣдь не все же въ немъ есть огульная ложь? Въ своемъ увлеченіи г. Прозоровскій доходитъ даже до страннаго: на стр. 371—372 своего изслѣдованія онъ заподозрѣваетъ Устрялова, который привелъ „выписку“ изъ дѣлъ Стрѣлецкаго приказа, говорящую противъ Медвѣдева.

Указанная нами слабая сторона въ изслѣдованіи г. Прозоровскаго вредитъ достоинству работы и подрываетъ довѣріе къ его научному безпристрастію. Намъ кажется, что личность Медвѣдева слишкомъ идеализирована г. Прозоровскимъ.

Укажемъ теперь нѣсколько частныхъ недочетовъ въ изслѣдованіи г. Прозоровскаго. Говоря въ главѣ III о перепискѣ С. Медвѣдева изъ Молченской пустыни, г. Прозоровскій не пользовался Погодинскою рукописью Императорской Публичной библіотеки № 1693, заключающею собственноручныя письма Медвѣдева ¹⁾. Рѣшаемся заявить объ этомъ на основаніи того, что на стр. 113, приводя письмо Медвѣдева къ Андрею Аббакумовичу, онъ пропускаетъ одно слово и въ примѣчаніи 83 прибавляетъ: „вѣроятно, какой либо краски“. Если бы онъ читалъ Погодинскую рукопись № 1693, то на л. 205 прочиталъ бы „яри“. Кромѣ того, онъ не упомянулъ о сношеніи С. Медвѣдева съ Гутменсомъ, которому онъ писалъ на польскомъ языкѣ слѣдующее письмо (Рукоп. Погод., л. 189):

¹⁾ Странно, что на стр. 36 онъ говоритъ, будто пользовался этою рукописью; тутъ мы рѣшаемся не повѣрить г. Прозоровскому, иначе чѣмъ объяснить тѣ пропуски, о которыхъ мы говоримъ ниже.

„Bone mi Amice Domine Gutmens, moy naymilszy bracie y dobrodzieiu wielky.

„Iak wielce bywam zawsze rodosny, gdy tylko ile mogę wspomiętac o w: m: do dobrodzieyu moÿ, tak wszelakich, y duszezbawiennych nie mniej iak swoiey dusze, požądanych pociech W: M: dobrodzieiowi memu, przydtogo fortunny szczęsliwÿ pozyciu od naywyżczo serdecznie sprzyiã.

„Teraz przeslawsky moje W: M: naynizeze vstugi zdrowia dobre zycię przy wszelakich szczęsliwych successiach serdecznie apprecor te moje W: M: fratri y dobrodzieiowi memu przestawszy debitũ cale zyczliwy we wszem zostaicę. Osobie oznaymiaę iz mię prawica Boska chowa zdrowega eodem modo sicut ante. Daley nie maia czego pisac, z vslugami moiemi nie odmienney łasce wruczam sie.

„Z monasterza Putivlensis

„1672 (1671) msca oktob:

„W: M: wewszy(s)kim zicliwy frater et servus
„Simeon Miedziedzew.

„Racz złaski swoiey odemnie slugi swego poklon moy naynizszy oddac wielkiemu moiemu dobrodzieiowi misericordia sicut patri Stephanoowi Iowlewicziu pro omnia illo ad me benefacta“.

Приведеное здѣсь письмо весьма интересно по своей хронологической дате. Оно ясно указываетъ, что С. Медвѣдевъ удалился изъ Москвы не въ 1672 г., какъ рѣшаетъ этотъ вопросъ г. Прозоровскій на стр. 92—93, а въ 1671.

Въ главѣ V-й г. Прозоровскій рѣшаетъ остававшійся доселѣ открытымъ вопросъ о распредѣленіи полемиическихъ сочиненій, вызванныхъ споромъ о времени пресуществованія святыхъ даровъ въ таинствѣ евхаристіи, а равно о началѣ этого спора. Вполнѣ раздѣляя взглядъ автора на начало полемики, мы не можемъ согласиться съ нимъ въ одномъ пунктѣ. По мнѣнію г. Прозоровскаго, полемика по названному вопросу слѣдовала въ такомъ порядкѣ: „Хлѣбъ животный“ Медвѣдева, „Показаніе на подвергъ латинскаго мудрованія“ ипока Евѳимія, „Опроверженіе латинскаго ученія о пресуществованіи“ его же, „Праведный отвѣтъ“ С. Медвѣдева и „Манна“ его же, „Акосъ“ Лихудовъ и т. д. По нашему мнѣнію, сочиненіе ипока Евѳимія „Показаніе на подвергъ латинскаго мудрованія“ написано, какъ бы придатокъ къ сочиненію Лихудовъ „Акосъ“. Доказательства въ самомъ сочиненіи: 1) „И о таковой ихъ прелести *индѣ написанная*

свидѣтельства самая св. отецъ, восточныхъ учителей, истинная словеса и разумѣнія показываютъ и обличаютъ сицевое лживое учение сего лжеучителя и ученика его, подобнаго ему“,—говорить инокъ Еввимій въ „Показаніи“, ясно указывая на свое сочиненіе „Опроверженіе латинскаго ученія о пресуществленіи“. Последнее и состоитъ изъ изложенія отеческихъ свидѣтельствъ по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи. 2) „Истинно же о семь, по разуму святыхъ восточныхъ церкви, что есть *разглаголенство учителей православныхъ ко ученикомъ ихъ*, не отъ себе самыхъ (яко здѣ) разглаголенствуемое, но отъ свв. апостоловъ и свв. вселенскихъ синодовъ и иныхъ многихъ святыхъ учителей древнихъ богослововъ словеса и разумѣніи свидѣтельствовавшее и утвержденное. *Оное разглаголенство* (подобаетъ) искреннимъ сыновомъ святыхъ восточныхъ церкви прочитати и разумѣніямъ свв. отецъ послѣдовать, а не безъ свидѣтельствъ святыхъ отецъ словесъ и писаній баснословивому сему разуму и разглаголенству, чужду сущу св. матере нашей и отецъ святыхъ“... говорится далѣе въ „Показаніи“. Подчеркнутыя слова ясно указываютъ на „Акосъ“ Лихудовъ, написанный въ формѣ разговора („разглаголенства“) учителя и ученика и доказывающей истинность восточнаго мнѣнія о времени пресуществленія св. даровъ въ таинствѣ евхаристіи.

Вносимое нами измѣненіе въ распредѣленіи полемическихъ сочиненій указываетъ, насколько справедливо г. Прозоровскій осуждаетъ инока Еввимию за то, что онъ первый ввелъ въ полемику раздражительной и задорно бранчивый тонъ (стр. 253). Послѣ сказаннаго нами не остается сомнѣнія, что предшественники г. Прозоровскаго были правы, приписывая С. Медвѣдеву починъ въ бранчивомъ тонѣ, что дѣйствительно и есть такъ: С. Медвѣдевъ въ „Маниѣ“ употребляетъ рѣзкій тонъ и брань. Вообще я думаю, что въ книгѣ г. Прозоровскаго явко сказывается враждебное отношеніе къ иноку Еввимию. Такъ, на стр. 228—229 онъ безъ вѣскаго основанія приписываетъ иноку Еввимию „Воумленіе священникамъ“ и на этомъ основаніи заключаетъ о томъ, что защитникъ православнаго мнѣнія о времени пресуществленія св. даровъ держался прежде латинскаго мнѣнія.

Мы высказали свои сильныя замѣчанія на книгу г. Прозоровскаго. Не соглашаясь съ нимъ во многомъ, не можемъ не признать многихъ прекрасныхъ качествъ его труда и не сомнѣваемся, что его изслѣдованіе о жизни и дѣятельности С. Медвѣдева не скоро поте-

рять свою цѣну. Пожелаемъ, чтобы онъ довелъ начатую работу до желаннаго конца, то есть поскорѣе напечаталъ вторую часть изслѣдованія.

С. Брагловскій.

1. Бѣлорусскіе свадебные обряды и пѣсни сравнительно съ великорусскими. Составилъ А. З.—ч. С.-Пб. 1897. 8°, IV+114.
2. Простонародныя примѣты и повѣрья. Сувѣрные обряды и обычаи, легендарныя сказанія о лицахъ и мѣстахъ. Собралъ въ Витебской Бѣлоруссіи Н. Я. Никитиоровскій. Витебскъ. 1897. 8°, X+308+30.

Научное изученіе бѣлорусской народности, начавшееся, собственно говоря, лишь съ 60-хъ годовъ текущаго столѣтія, особенно усилилось въ послѣднее время. Теперь мы уже имѣемъ обширныя собранія произведеній бѣлорусскаго народнаго творчества въ изданіяхъ П. В. Шейна, Е. Р. Романова, В. Н. Добровольскаго и др., въ которыхъ дана масса матеріала для характеристики бѣлорусскаго племени со стороны языка, народной поэзіи и вообще народнаго міросозерцанія, подчасъ очень первобытнаго. Время приступить и къ разнымъ теоретическимъ выводамъ въ этой области. И дѣйствительно, въ отношеніи изученія языка бѣлорусскаго племени уже сдѣлано немало; а еще больше будетъ сдѣлано въ будущемъ, когда получатся отвѣты на разосланную въ текущемъ году отдѣленіемъ русскаго языка и словесности Императорской Академіи наукъ „Программу для собиранія особенностей бѣлорусскаго нарѣчія“. Теперь на очереди характеристика другихъ сторонъ народной личности. Такая характеристика особенно облегчится тогда, когда разный словесный и этнографическій матеріалъ будетъ сгруппированъ, когда будутъ отмѣчены господствующіе въ тѣхъ или другихъ народныхъ произведеніяхъ мотивы и когда послѣдніе будутъ сравнены съ подобными же мотивами въ произведеніяхъ другихъ отраслей русскаго племени—великорусской и малорусской. Но для произведеній бѣлорусской народной поэзіи и этого недостаточно. Бѣлорусское племя долгое время находилось подъ польскимъ вліяніемъ и, естественно, многое могло позаимствовать у поляковъ; поэтому въ такой работѣ привлеченіе данныхъ польской народной поэзіи также необходимо. Такого рода сравненіе, кромѣ удовлетворенія чисто литературныхъ задачъ, еще дастъ прочныя основы для выводовъ, уже сдѣланныхъ по указаніямя языка и антропологии, относительно того, къ какой изъ вѣтвей русскаго племени

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библеистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: info@axion.org.ru